

Стивен Коэн: Обама и российско-американская перезагрузка: еще один упущенный шанс?

– Одна непреходящая истина затерялась в иллюзиях, распространившихся в Вашингтоне после конца холодной войны и в тумане последовавших за ней американских войн: дорога к национальной безопасности Америки по-прежнему пролегает через Москву.

Хотя прошло уже двадцать лет с распада Советского Союза, лишь Россия по-прежнему обладает способным уничтожить США арсеналом оружия массового уничтожения, который еще многие годы будет оставаться предметом вождения международных террористов. Россия остается крупнейшей страной мира по размеру территории и ключевым евразийским фронтом в конфликте между западной и исламской цивилизациями. Она обладает непропорционально большой долей мировых запасов важнейших ресурсов, среди которых нефть, природный газ, железная руда, никель, золото, древесина, плодородные земли и пресная вода. Кроме того, используя свое военное и дипломатическое влияние, Москва по-прежнему способна препятствовать (или способствовать) реализации интересов США по всему миру: от Афганистана, Ирана, Китая и Северной Кореи до Европы и Латинской Америки. Короче говоря, без широкого сотрудничества с Россией обеспечить подлинную национальную безопасность США невозможно.

Однако в январе 2009 года, когда президент Обама приступил к выполнению своих обязанностей, отношения между Вашингтоном и Москвой были настолько плохими, что некоторые наблюдатели, включая меня, характеризовали их как новую холодную войну. На смену сотрудничеству практически во всех областях, в том числе в такой традиционной, как соглашения по контролю над ядерными вооружениями, пришли все более острые конфликты. В августе 2008 года дело дошло до военной конфронтации, которая могла оказаться не менее опасной, чем Карибский кризис 1962 года. Грузино-российская война была по существу столкновением между США и Россией, поскольку грузинские войска были обучены и оснащены Вашингтоном.

Что же произошло со «стратегическим партнерством и дружбой» между постсоветской Москвой и Вашингтоном, обещанными лидерами обеих сторон после 1991 года? На протяжении более десяти лет американский политический и медийный истеблишмент

утверждал, что именно такими были отношения в 1990-х годах при президенте Билле Клинтоне и российском президенте Борисе Ельцине, однако они были разрушены из-за «антидемократических, неоимперских устремлений» Владимира Путина, пришедшего на смену Ельцину в 2000 году.

В действительности же историческую возможность построить после холодной войны отношения партнерства упустил Вашингтон, а не Москва. Это произошло, когда в начале 1990-х годов администрация Клинтона стала обращаться с Россией, исходя из ошибочной предпосылки о том, что с Россией, «проигравшей» холодную войну, можно вести себя как с побежденной нацией. (На самом деле холодная война окончилась в результате переговоров в период между 1988 и 1990 годами - задолго до развала СССР в декабре 1991 года, и с подобной оценкой были согласны все ведущие участники этого процесса – как президент СССР Михаил Горбачев, так и президенты Рональд Рейган и Джордж Буш-старший.)

Результатом стал триумфалистский («победитель получает всё») подход администрации Клинтона, в том числе назойливые попытки диктовать России ее внутреннюю и экономическую политику, невыполненные стратегические обещания (самым важным из которых были данные Бушем в 1990 году Горбачеву заверения, что НАТО не будет расширяться на восток за пределы границ объединенной Германии) и ущемлявшая интересы России политика двойных стандартов, исходившая из того, что у Москвы теперь уже нет за рубежом, даже в своем регионе, никаких законных интересов безопасности, а у США есть. Ответная реакция последовала с приходом Путина, но она последовала бы с появлением в Кремле любого лидера, который был бы более уверенным, более трезвым и менее зависимым от Вашингтона, чем Ельцин.

Триумфализм Вашингтона не закончился при Клинтоне и Ельцине. Наиболее показательный пример: после событий 11 сентября 2001 года путинский Кремль предоставил администрации Джорджа Буша-младшего больше помощи – в виде разведывательных данных и на поле боя – в войне с афганскими талибами, чем любой союзник по НАТО. В ответ Путин ожидал получить американо-российское партнерство, в котором так долго отказывали Москве. Вместо этого Белый дом Буша вскоре расширил НАТО до самых границ России и в одностороннем порядке вышел из Договора по противоракетной обороне, который Москва рассматривала в качестве краеугольного камня своей ядерной безопасности. Москва решила, что ее обманули, а такое не

забывается.

Сегодня российские политики, обеспокоенные происходящей с 1991 года деградацией ключевой инфраструктуры страны, сцепились в схватке за будущее страны – и эта борьба имеет принципиальные последствия для российской внешней политики. Одна сторона, связанная с Дмитрием Медведевым, по воле Путина ставшим его преемником на посту президента, выступает за «демократическую трансформацию», которая опиралась бы на «союзнчество с Западом в интересах модернизации». Другая, включающая ультра-националистов и неосталинистов, настаивает на том, что в России возможны лишь традиционные, государственные методы управления или «модернизация без вестернизации». В подтверждение своей позиции они говорят, что НАТО окружает Россию, да и вообще США ведут себя вероломно.

Выбор из различных «альтернатив модернизации» будет сделан в Москве, а не в Вашингтоне, как раньше думали творцы американской политики, однако политика США будет при этом одним из важнейших факторов. В ходе вековой борьбы между реформистами и реакцией в России у выступающих против авторитаризма сил политический шанс появлялся лишь тогда, когда отношения с Западом налаживались. И ведущую роль среди стран Запада по-прежнему играет Вашингтон – на благо или во вред.

* * *

Когда президент Обама сделал «перезагрузку» отношений с Москвой приоритетом своей внешней политики, он, казалось, понимал, что шанс создания столь необходимого партнерства с постсоветской Россией был в свое время упущен, но его еще можно вернуть. Конечно, по своей сути «перезагрузка» сводилась к тому, что раньше называлось «разрядка». И так как разрядка всегда означала переход от конфликтов холодной войны к сотрудничеству, инициатива президента также свидетельствовала о понимании им того, что в наследство ему досталось нечто вроде новой холодной войны.

Долгая, прерывистая история разрядки, начавшаяся в 1933 году, когда после пятнадцати лет непризнания президент Франклин Делано Рузвельт установил с Советской Россией дипломатические отношения, может рассказать нам о перезагрузке Обамы нечто важное. Каждому эпизоду разрядки противостояли мощные идеологические элиты и институциональные силы в Вашингтоне и Москве; каждый требовал решительного

лидерства, способного поддержать процесс сотрудничества; и каждый – после периода успехов – сходил на нет или рушился с возобновлением конфликтов холодной войны, как это произошло даже с исторической разрядкой, начатой Горбачевым и Рейганом в 1985 году и обещавшей навсегда покончить с холодной войной.

Многие комментаторы, такие как специалист по России Томас Грэм из консалтинговой фирмы «Киссинджер ассошиэйтс» и обозреватель «Нью-Йорк таймс» Питер Бейкер, считают, что перезагрузка Обамы (Кремль тоже стал использовать этот термин) оказалась «поразительно успешной» и уже привела к созданию «нового партнерства». Тон общения Вашингтона и Москвы стал более примирительным. И Обама, и президент Медведев, встречи между которыми происходят часто, объявили об успехе обновленных отношений, и в качестве доказательства приводят свою личную дружбу. Есть и другие, ощутимые признаки. Москва сотрудничает с США по двум приоритетным для Америки направлениям: война в Афганистане и сдерживание ядерных амбиций Ирана. Кроме того, в 2010 году стороны договорились о заключении нового Договора СНВ, призванного почти на треть сократить ядерные арсеналы ракет большой дальности.

Тем не менее объявленная Обамой перезагрузка остается ограниченной и по природе своей неустойчивой. Частично тому виной политические обстоятельства, мало от него зависящие. В обеих столицах есть ожесточенное, неослабевающее противодействие этой политике. Черпая вдохновение в традиционной русофобии, приписывающей злобные мотивы любой инициативе Москвы, американские неоконсерваторы, сторонники новой холодной войны, с яростью набросились на перезагрузку, назвав ее «капитуляцией», «опасной сделкой» и политикой «игнорирования зла». Один из них даже сравнил перезагрузку с нацистско-советским пактом 1939 года. Без противостоящего этим силам пророссийского лобби и без существенных американо-российских экономических отношений, способных служить амортизатором в процессе перезагрузки, он остается крайне уязвимым для подобных атак.

В Москве партнер Обамы, президент Медведев, подвергается не менее яростным нападкам. По словам ведущего идеолога русских ультра-националистов Александра Дугина, «за Медведевым стоит Запад... За Медведевым не стоит никто, кроме врагов России». Еще более зловещим признаком стали прозвучавшие в июле 2009 года слова высокопоставленного генерала, который обвинил Медведева в «измене». Начиная с марта 2011 года это обвинение звучало неоднократно, в том числе в связи с «предательством

российских интересов» после того, как российский президент не воспользовался правом вето в Совете Безопасности ООН при принятии резолюции, разрешившей НАТО наносить воздушные удары по Ливии.

Что еще хуже – и Обама, и Медведев сравнительно слабые лидеры. Как известно, авторитет Обамы значительно пострадал из-за падения его популярности и урона, нанесенного позициям Демократической партией в ходе выборов в Конгресс осенью 2010 года. (К тому времени Обама уже уступил требованиям «перезагрузить перезагрузку», вернув в свою повестку дня содействие демократии и продемонстрировав поддержку грузинскому лидеру Михаилу Саакашвили, поставившему Америку и Россию на грань войны в августе 2008 года.) А авторитет Медведева ограничен сохраняющимся главенствующим положением премьер-министра Путина и возможностью того, что тот может вернуть себе президентское кресло после выборов, которые должны состояться в марте 2012 года. Как бы то ни было, ни Обама, ни Медведев не в состоянии или не хотят активно защищать перезагрузку или хотя бы пресекать явные попытки подорвать ее со стороны членов своих собственных администраций, как это, похоже, не раз делал даже вице-президент Джозеф Байден.

Решение Обамы положить в основу своей политики в отношении России партнерство с предполагаемым «либералом» Медведевым в надежде содействовать его политической карьере в ущерб путинской еще больше ограничило поддержку перезагрузки в Москве. (Как и американские СМИ, Обама и его советники продолжают ругать Путина, называя его лидером, «одной ногой стоящим в прошлом», и даже, как однажды заметила госсекретарь Хиллари Клинтон, человеком, у которого «нет души».) Эта политическая ставка на Медведева, является повторением давней привычки Белого дома путать личную дружбу с кремлевским руководством – Обама называет Медведева «мой друг Дмитрий» – с широкой поддержкой со стороны российского политического класса. Более того, оказание открытой поддержки кандидатуре Медведева в предстоящих в 2012 году президентских выборах, как это столь неуместно сделал в ходе мартовского визита в Москву Байден, возродило недовольство российской элиты вмешательством США во внутренние дела страны и подкрепило точку зрения тех, кто считает, что лишь Путин не «продаст Россию Западу».

Политические сбои перезагрузки могут оказаться преходящими, однако фундаментальные изъяны политики Обамы в отношении России проистекают из все той же триумфаторской

политики 1990 годов, основанной на принципе «победитель получает все». Одним из таких вечных заблуждений является стремление навязать России «выборочное сотрудничество», т.е. получить поддержку Москвы в реализации жизненно важных интересов Америки, в то же время игнорируя интересы самой России. Хотя этот подход многократно применялся начиная с 1990-х годов президентами Клинтоном и Бушем и привел лишь к неудачам и растущему недовольству в России, Белый дом Обамы точно так же стремился построить перезагрузку на односторонних уступках Москвы. Как объяснил советник Обамы по России и, судя по недавним сообщениям, будущий посол США в Москве Майкл Макфол: «Мы постараемся найти пути сотрудничества с Россией по тем вопросам, которые мы определяем как наши национальные интересы, но мы не будем вести с ними торг».

Обаме действительно удалось заручиться сотрудничеством Кремля по Афганистану и Ирану, не пойдя на уступки по двум вопросам, где политика США вызывает наибольшее недовольство Москвы – размещение объектов ПРО вблизи границ России и продолжение расширения НАТО в том же направлении, но в политическом отношении это дорого ему стоило. Неравенство еще более подорвало позиции Медведева, а также общую поддержку перезагрузки в Москве, где она связывается с его политическим «брендом». Так, Путин, обычно оставляющий отношения с США на усмотрение своего протеже, публично заметил: «Ну, и где же эта перезагрузка?»

И действительно, ПРО – это мина замедленного действия, заложенная в новый договор СНВ и в саму перезагрузку. В ходе переговоров Москва поверила, что администрация Обамы согласилась прислушаться к возражениям России по поводу размещения объектов ПРО в Восточной Европе. Но в декабре 2010 года, стремясь обеспечить ратификацию договора в Сенате, Обама лично пообещал, что договор «никак не ограничивает разработку и развертывание наших программ ПРО», которые он обязался выполнять в полном объеме «независимо от действий России». В своей резолюции по ратификации Сенат зашел еще дальше, подробно описав эти намерения. Памятуя о других нарушенных ранее соглашениях, в Москве на это отреагировали с таким подозрением, что Медведеву пришлось лично поручиться за Обаму как за президента, который «держит слово».

В более широком смысле, неразрешенный конфликт по поводу противоракетной обороны служит примером бесплодности политики «выборочного сотрудничества». Сделанное Медведевым в ноябре 2010 года заявление о том, что Россия, возможно, примет участие в

натовской системе ПРО, было расценено как еще один успех перезагрузки. Но и он, и Путин быстро подчеркнули, что «Россия будет участвовать только на основе абсолютного равенства... или не будет участвовать вообще». Разумеется, никто ни с той, ни с другой стороны не верит, что руководимый США альянс даст Кремлю «равный» контроль над своей противоракетной системой.

Стремясь в рамках «выборочного сотрудничества» добиться односторонних уступок, Обама – как и Клинтон и Буш до него – похоже, не способен или не готов соединить в единое целое все стратегические точки взаимной безопасности, как это сделали в конце 1980 годов Рейган и Горбачев. По сути, Обама предлагает Москве значительно сократить число своих ядерных ракет большой дальности, в то время как Россию окружают базы НАТО с их превосходящими обычными вооружениями и с противоракетной системой, потенциально способной нейтрализовать сокращенный российский арсенал средств нанесения ответного удара. В этом чрезвычайно важном отношении новый договор о сокращении вооружений по сути своей неустойчив. Как минимум, Обама подрывает собственные надежды договориться о крупном сокращении тактических ядерных ракет малой дальности, где у России огромное количественное преимущество, которое она все больше рассматривает в качестве жизненно важного элемента национальной обороны. Вместо этого, как предупредил Медведев, если конфликт вокруг ПРО не будет урегулирован, произойдет «еще одна эскалация гонки вооружений», которая, добавил он 18 мая, «отбросит нас назад в эпоху холодной войн».

Царящее уже двадцать лет убеждение в том, что Москва будет идти на безответные уступки ради партнерства с Соединенными Штатами, проистекает из той же иллюзии: что постсоветская Россия, ослабленная «поражением в холодной войне», может играть роль великой державы лишь на американских условиях. В реальном же мире, когда Обама пришел к власти, все, что России якобы нужно было от Соединенных Штатов, в том числе для модернизации, она могла получить от других партнеров. Сегодня, ее двусторонние отношения с Пекином и Берлином (и все больше – с Парижем) уже гораздо важнее для Москвы с политической, экономической и даже военной точки зрения, чем ее бесплодные отношения с Вашингтоном, который на протяжении двух десятилетий воспринимается ею как хронически ненадежный и даже двуличный партнер.

За этим восприятием кроется более фундаментальная слабость перезагрузки: у США и России разное понимание того, зачем она вообще нужна. Каждая из сторон продолжает

обвинять другую в ухудшении отношений после 1991 года. Ни Обама, ни чиновники эпохи Клинтона, являющиеся сегодня его советниками, не признали, что в политике США в отношении постсоветской России были допущены какие-либо ошибки. Вместо этого практически все американские политики продолжают обвинять Россию и, в частности, Путина, хотя он пришел к власти лишь в 2000 году. По сути, стремясь оправдаться, они вычеркивают из истории те исторические возможности, которые Вашингтон упустил в 1990-х гг. и позже. Следовательно, успех или провал перезагрузки «зависит от русских», и нужно, чтобы в Москве – но не в Вашингтоне – «изменилось мышление».

Американских политиков и экспертов, возможно, не очень волнует недавняя история, но для их российских коллег в ней нет ничего загадочного. С их точки зрения, перезагрузка была необходима, потому что Вашингтон отверг предложение Горбачева о «новой модели обеспечения безопасности» в пользу Pax Americana, и потому, что в «1991-2008 годах США вели новую полухолодную войну против России». Путин и Медведев лично занимают столь же непреклонную позицию относительно предыстории перезагрузки и ответа на вопрос, «кто виноват». До того, как Обама стал президентом, оба российских лидера неоднократно обвиняли Вашингтон в обмане. Это острое ощущение предательства никуда не делось. Менее года назад Путин признался, что не сразу осознал двуличие США: «Я просто представить себе не мог его глубину... Но на самом деле все очень просто... Они говорили нам одно, а делали совершенно другое. Они одурачили нас, в полном смысле этого слова».

Ему вторит Медведев: «Отношения ухудшились из-за планов предыдущей администрации США». Он даже высказал мысль, которая широко распространена, но редко озвучивается вслух российскими официальными лицами: что Вашингтон не только вооружил и обучил грузинские войска, но и заранее знал и, возможно, поощрял внезапное нападение Саакашвили на мирных жителей Южной Осетии и российских миротворцев, с которого началась августовская война 2008 года. «Лично мне, - пожаловался Медведев, - показалось очень неожиданным, что все это началось после того, как госсекретарь США [Кондолиза Райс] посетила Грузию. До того... г-н Саакашвили собирался приехать ко мне в Сочи, но не приехал».

Не удивительно, что российское руководство пошло в 2009 году на перезагрузку с ожиданиями, диаметрально противоположными тем односторонним уступкам, которых ожидала от него администрация Обамы. Как прямо сказал журналисту «Вашингтон пост»

неназванный кремлевский советник, «Америка должна России и должна много, и она должна заплатить по долгам». Спустя год, когда глава НАТО убеждал журналистов мировых СМИ, что перезагрузка «похоронит призраки прошлого», это было еще одним примером того, насколько руководимый США альянс не понимает историю и безразличен к ней.

«Призрак», мешающий по-настоящему фундаментальным изменениям в отношениях, это, конечно же, продолжающийся уже 12 лет процесс расширения НАТО до границ России – первое и поистине роковое из нарушенных Америкой обещаний. Несмотря на заверения в «дружбе между НАТО и Россией» администрация Обамы не стала отказываться от дальнейшего расширения НАТО, а вместо этого подтвердила поддержку Соединенными Штатами цели вступления в альянс бывших советских республик Украины и Грузии, что для Москвы совершенно неприемлемо. Разумеется, ни одно государство, считающее, что его окружает и ему угрожает надвигающийся военный альянс – а Москва многократно выражала эту тревогу, последний раз Путин сделал это в апреле – не может ощущать себя равным и находящимся в безопасности партнером этого альянса.

Более того, расширение НАТО на восток придало официальный характер новому, более широкому геополитическому конфликту с Россией. Протесты и попытки противодействия посягательствам НАТО со стороны Москвы, в особенности сделанное в 2008 году заявление Медведева о том, что Россия имеет право на «сферу стратегических интересов» в бывших советских республиках, были с возмущением отвергнуты американскими официальными лицами и комментаторами, осудившими «решимость России восстановить сферу влияния в соседних государствах». Так, Байден заявил в Москве в марте: «Мы не признаем, что у какого-либо государства может быть сфера влияния».

Но чем является продвижение НАТО на восток, как не огромным расширением американской сферы влияния – военной, политической и экономической – на пространстве, прежде входившем в сферу влияния России? Ни один американский чиновник или уважаемый обозреватель этого не признает, но заикнувшийся на присоединении к альянсу грузинский лидер Саакашвили говорит об этом без всякого стеснения. В 2010 году он приветствовал усиление «присутствия НАТО в регионе», поскольку это позволяет США и их союзникам «расширить сферу их влияния». Ни одно из проявлений американской политики двойных стандартов – или просто «лицемерия», как называет ее Москва – не сделало больше, чтобы подорвать американо-российское

партнерство и спровоцировать новую холодную войну.

* * *

Поскольку новых членов НАТО уже нельзя лишить членства в альянсе, есть лишь один способ урегулировать или по крайней мере смягчить этот глубокий геополитический конфликт между США и Россией: в ответ на подтверждение суверенитета всех бывших советских республик со стороны Москвы Вашингтон и его союзники должны задним числом выполнить еще одно нарушенное обещание – что вооруженные силы Запада не будут размещены ни в одной из новых стран НАТО к востоку от Германии. Хотя американский политический истеблишмент и ВПК и слышать об этом не хотят, такой шаг по существу демилитаризировал бы происходящее с 1999 года расширение НАТО. Не ослабляя гарантий коллективной безопасности для всех членов альянса, подобный большой компромисс сделал бы возможным реальное партнерство с постсоветской Россией.

Во-первых, что крайне важно, такой шаг станет выполнением одного из нарушенных американских обещаний. Во-вторых, он будет признанием того, что Москва имеет право на, как минимум, один «стратегический интерес» - отсутствие потенциальной военной угрозы у своих границ. (Вашингтон давно уже присвоил себе такую привилегию, отстаивая ее вплоть до угрозы ядерной войны на Кубе в 1962 году.) В-третьих, демилитаризация процесса расширения НАТО ослабит исторический страх России перед военным окружением, одновременно укрепив ее доверие к западным партнерам. И, в-четвертых, она снизит обеспокоенность Кремля по поводу объектов ПРО в Восточной Европе и может побудить Москву внести свой, возможно, необходимый, вклад в этот пока еще сырой проект.

За этим могут последовать многие другие, крайне важные и для Америки, и для России, шаги – начиная с более глубоких сокращений всех видов оружия массового уничтожения до полноценного сотрудничества в противостоянии грядущим угрозам ядерного распространения и международного терроризма. В результате возникнет еще один шанс вернуть историческую возможность, упущенную в 1990-х.

В 2009 году прозападные модернизаторы России надеялись, что предложенная Обамой перезагрузка означает, что Вашингтон, наконец, осознал необходимость партнерства с

Москвой. Однако спустя два года Медведев по-прежнему обеспокоен тем, что в американо-российских отношениях «нас ждут альтернативы». Ведущий прозападный депутат российского парламента высказался более откровенно: «В Москве и в Вашингтоне люди часто упускали возможности... Нам остается лишь надеяться, что на этот раз мы ее не упустим».

Тот факт, что и Обама, и Медведев, олицетворяющие перезагрузку, подвергаются в своих странах критике за «предательскую» политику, является зловещим признаком. Тем не менее, политические перспективы в Москве на самом деле лучше в одном важном отношении: значительная часть российского политического класса по крайней мере понимает, что обе страны не просто подошли к очередному поворотному моменту в отношениях, но, возможно, вообще имеют последний шанс создать нормальные отношения после холодной войны. Прозападно настроенные россияне уже не могут искать утешения в привычной надежде на смену политического курса с приходом следующего поколения лидеров: молодые Обама и Медведев и есть это самое поколение.

Однако среди американского истеблишмента сегодня не наблюдается ни подобного нетерпения, ни хотя бы осознания важности момента. Наоборот, появление возможности более тесного сотрудничества с Москвой лишь усилило тенденцию ставить знак равенства между «преступлениями и злоупотреблениями нынешнего российского правительства» (слова сенатора Джона Маккейна) с преступлениями коммунистической России. Все более отчетливо звучат и другие темы времен холодной войны. Политические обозреватели, например Чарльз Краутхаммер, снова характеризуют инициативы Москвы как «очевидные российские провокации». (Даже историческое признание Путиным факта убийства в 1940 году нескольких тысяч польских офицеров в Катыни журнал «Уикли стэндард» пренебрежительно назвал «тривиальным жестом» с целью «манипулирования» зарубежным общественным мнением). В прессе вновь появились зловещие предупреждения Ариэля Козна из Фонда «Наследие» и других о том, что Москва пытается «противопоставить... европейских союзников Соединенным Штатам», вкпе с требованиями к Вашингтону продемонстрировать свою военную мощь, чтобы «дать отпор растущему влиянию Кремля в регионе».

Полемика вокруг перезагрузки вынесла на поверхность и более крайние точки зрения. Современная Россия, предупреждает Ариэль Коэн, еще опасней, чем ее советский предшественник: «Это не Россия, что мы знали прежде... Сегодняшние руководители

России моложе и жестче». Ранее один из редакторов «Уолл стрит джорнел» опубликовал еще более поразительное откровение: «Россия превратилась, в полном смысле этого слова, в фашистское государство». Бывшая ранее маргинальной идеей, эта мысль была подхвачена авторитетным американским ученым, профессором Университета Раттгерс Александром Мотылем на страницах журнала центра русских исследований одного из ведущих университетов.

Авторы подобных размашистых и к тому же невежественных высказываний вольно или невольно забывают о многочисленных реальных угрозах национальной безопасности США, потенциально связанных с Россией (речь идет не только о ее огромных и, возможно, не очень надежно защищенных запасах смертельно опасного ядерного, биологического и химического оружия, но и о ее разваливающейся инфраструктуре и разрастающихся экстремистских движениях), равно как и о еще остающихся возможностях сотрудничества с Москвой с целью их предотвращения. Бывалые аналитики в ведущих американских газетах уверяют читателей, что «ядерная война между Россией и Америкой стала немыслима», более того, опасность любой американо-российской войны «крайне мала» - и это несмотря на то, что в августе 2008 года в Грузии, когда Белый Дом Буша рассматривал возможность отправки вооруженных сил для поддержки своего сателлита, ситуация висела буквально на волоске. Да и вообще, говорят они, «нужна не химера контроля над вооружениями», а «возобновление гонки вооружений».

Такая близорукость породила еще более безрассудную точку зрения: чем хуже ситуация в России, тем лучше для Америки. Обозреватель «Вашингтон пост» Джордж Уилл, резко критикуя новый договор по сокращению ядерных вооружений, с удовлетворением писал об «изможденном русском медведе». А бывший сотрудник администрации Буша со страниц той же газеты призвал администрацию Обамы «отказаться от помощи российским лидерам в экономической модернизации», хотя модернизация инфраструктуры страны жизненно важна для обеспечения безопасности ее оружия массового уничтожения. Еще дальше зашел Мотыль, надеющийся на «дестабилизацию России» и полностью игнорирующий предупреждения Москвы о том, что в стране с огромным арсеналом ядерного оружия и одиннадцатью ядерными реакторами черныбыльского типа это приведет к катастрофическим последствиям.

Близорукость политических кругов и СМИ и старая привычка предпочитать реальности идеологию привели к еще одному необдуманному решению Вашингтона. Несмотря на

сомнения в надежности контроля Кремля над ядерными материалами и даже тревогу по поводу того, что бесконтрольные лесные пожары в августе 2010 года могли достичь мест выпадения радиоактивных осадков от Чернобыльской катастрофы 1986 года, а то и объектов, связанных с ядерным оружием, спустя четыре месяца сенат США проголосовал за отправку большого количества отработанного топлива из американских реакторов на хранение и утилизацию в Россию. Хотя российские экологи протестовали против этого шага, заявляя, что он превратит страну в «международную свалку радиоактивных отходов», а один военный эксперт из Москвы предупредил, что ни один российский регион нельзя назвать «по-настоящему безопасным», администрация Обамы приветствовала это решение как еще один успех своей «перезагрузки».

* * *

Фундаментальная трансформация американско-российских отношений, т.е. переход от, по сути, состояния холодной войны к стратегическому партнерству, требует смелого, решительного лидерства, основанного на полном пересмотре всех постсоветских отношений и прежде всего отказе от триумфализма Вашингтона. Принимая во внимание многочисленные институциональные, профессиональные и личные интересы, лежавшие в основе проводившейся с 1991 года несостоятельной политики и сосредоточенные прежде всего в Вашингтоне, но имеющие широкую поддержку в прессе и в системе образования, это тот минимум, который потребуется для полной «перезагрузки».

Есть несколько факторов, возможно, объясняющих, почему президент Обама не пошел на принципиально важные шаги, которые для этого необходимы. Одним из них является его нерешительность, проявляющаяся и во внутренней политике. (Справедливости ради следует отметить, что нежелание первого чернокожего президента США атаковать слишком много американских твердынь или традиционных убеждений, можно понять). Президент Обама также не продемонстрировал той способности к новому мышлению в сфере безопасности, которую проявили Горбачев и Рейган, добившиеся прорыва к партнерству. Окружив себя советниками, связанными с провальной политикой в отношении России в годы администрации Клинтона, Обама не имеет в своем близком окружении людей, способных предлагать радикально иные подходы, не говоря уж о «еретических» идеях или хотя бы каком-то переосмыслении. В результате перезагрузка Обамы оказалась слеплена из тех же ошибок и заблуждений, которые и сделали ее необходимой.

Но виноват не только президент – его вина даже не главная. Гораздо больше оснований говорить о несостоятельности всего американского истеблишмента, с его легионами обозревателей, формирующих общественное мнение в прессе, экспертов «мозговых центров» и университетских интеллектуалов. Лидеры, добивавшиеся серьезного улучшения американско-российских отношений, последними из которых были Горбачев и Рейган, действовали под влиянием оригинальных идей, у которых долгое время было не много сторонников. Находясь внутри или вблизи политического истеблишмента, такие самостоятельно мыслящие люди нередко оказывались в немилости или даже в опасности, но настойчиво продвигали свои идеи.

Когда Обама пришел к власти, в Америке не нашлось людей, способных выдвинуть новую концепцию отношений с Россией. Новых идей не появилось и потом, поскольку американцы не извлекли никаких уроков из провалов последних двух десятилетий. Ортодоксальный триумфализм по-прежнему главенствует в мышлении политиков всех направлений, от неоконсерваторов и правых до специалистов по России из «прогрессивного» Центра поддержки американского прогресса, и, по сути, не оспаривается никем – ни в политических партиях, ни в основных СМИ, ни в институтах политической стратегии, ни в университетах. В условиях, когда США увязли в трех войнах и разъедающем страну экономическом кризисе, а Москва вернула себе жизненно важные позиции в своем регионе от Украины до Киргизии и выстроила взаимовыгодные партнерские отношения с Китаем и Западной Европой, «эксперты» продолжают утверждать, что, как выразился Клиффорд Капчан из консалтиновой фирмы «Евразия групп», «дорога, по которой надо идти России, пролегает через Вашингтон».

Хуже того, помимо триумфалистских заблуждений по поводу окончания холодной войны, теперь принимаются за аксиому три новых догмата неоконфронтационной американской политики. Во-первых, что современная Россия столь же жестоко антидемократична, как и ее предшественник Советский Союз. В качестве доказательств обычно приводят радиоактивное отравление в Лондоне в 2006 году перебежчика из КГБ Александра Литвиненко, организованное, как утверждают, Кремлем, а также преследование олигарха Михаила Ходорковского, которого «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» превозносят как наследника великих советских диссидентов Александра Солженицына и Андрея Сахарова. Во-вторых, что Россия по своей природе представляет собой все более опасную угрозу, особенно для бывших советских республик, что было продемонстрировано ее

«вторжением и оккупацией Грузии» в августе 2008 года. И, в-третьих, что в этой связи необходимо дальнейшее расширение НАТО с целью защитить Грузию и Украину.

Все эти утверждения далеки от полной правды, и их следовало бы оспорить в крайне необходимой политической дискуссии, однако таких дебатов не происходит. А один из этих догматов лишь подтверждает, что Вашингтон следует политике двойных стандартов. Военная акция Москвы в защиту отделившихся от Грузии регионов Южной Осетии и Абхазии, а также признание их независимости были более оправданны с исторической и политической точек зрения, чем предпринятые по инициативе США в 1999 году натовские бомбардировки российского союзника Сербии, превратившие сербскую провинцию Косово в независимое (и крайне криминализованное) государство. Если на то пошло, Вашингтон сам создал прецедент военного вмешательства в конфликты в многонациональных государствах и перекройки государственных границ.

Администрация Обамы не сделала ничего для противодействия подобным антироссийским постулатам и слишком много – для их поощрения. Корректировка перезагрузки с целью включения в неё так называемых стратегий продвижения демократии – вмешательства во внутреннюю политику России, которое годами оскорбляло Кремль и больше способствует подрыву демократических перспектив, чем их продвижению – оказалось на руку лишь противникам перезагрузки в США, в то же время еще больше деморализовав ее сторонников в Москве. Так, в январе Обама лично выразил сожаление по поводу кратковременного заключения под стражу бывшего высокопоставленного функционера ельцинской эпохи Бориса Немцова, объявленного США новым «демократическим лидером» России, а в марте Байден дал указание сидящей перед ним аудитории в МГУ: «Исправьте вашу систему». Неудивительно, что российские официальные лица, надеявшиеся, что политика Обамы не допустит подобного вмешательства в их внутренние дела, пришли к выводу, что «эти надежды оказались необоснованными».

Решение Обамы возобновить поддержку грузинского лидера Саакашвили, чье стремление присоединиться к НАТО привело к американо-российской военной конфронтации 2008 года, также бросает вызов московскому пониманию перезагрузки, подтверждая широко распространенное в России мнение о том, что США считают себя «единственной страной в мире, имеющей национальные интересы». Более того, грузинский проект Вашингтона по-прежнему опасен. Кремль продемонстрировал, что если его спровоцировать, то он

нанесет сильный удар по государству-сателлиту США, преступившему «красную черту», особенно в северокавказском регионе, где исламский терроризм и социальные волнения угрожают российской государственности. Посетив Тбилиси прошлой осенью, даже аналитик из безотказно почтительного Совета по международным отношениям Уолтер Рассел Мид охарактеризовал Саакашвили как «горячую голову», а его лидерство назвал «непредсказуемым и импульсивным». Тем не менее администрация Обамы продолжает обучать армию Саакашвили и даже устроила демонстративные учения НАТО и Грузии, одновременно никак не комментируя жестокое подавление режимом уличных демонстраций, прошедших в Тбилиси в конце мая.

Воспроизводя потерпевшие провал американские стратегии, а заодно заявив о своем намерении продолжать программу ПРО в Восточной Европе (уже объявлены планы размещения ракет-перехватчиков в Румынии и соответствующих вооружений в Польше), Обама может лишь серьезно ограничить разрядку в отношениях с Москвой, а возможно и полностью торпедировать ее. Учитывая важнейшее значение России для жизненных интересов США, представляется, что президент не определил своих приоритетов в сфере национальной безопасности. Даже налеты НАТО на Ливию подрывают поддержку перезагрузки в Москве, где приходят к выводу о том, что «Россию, по сути, (снова) обманули», а Медведев как партнер Обамы поступил «наивно», поверив предложенной США резолюции ООН об установлении «бесполетной зоны»; что государства без внушительных ядерных арсеналов – сначала Сербия, потом Ирак, а теперь Ливия (Муаммар Каддафи отказался от своих ядерных материалов в 2004 году) – рискуют стать мишенью для подобных ударов; и что НАТО, подбирающаяся к России, представляет собой даже большую угрозу, чем считалось раньше.

Обама уже дал понять, что в ходе своей кампании по переизбранию на пост президента он собирается расхваливать «успешную» перезагрузку отношений с Россией (вместе с уничтожением Усамы бин Ладена) как свое крупное внешнеполитическое достижение. Так что по мере приближения 2012 года, возможно, он, наконец, возьмется за настоящую трансформацию отношений, подобную той, что 25 лет назад провели Горбачев и Рейган. Однако чтобы сделать это, потребуются серьезное переосмысление и решительное лидерство, чего Обама пока продемонстрировать не смог. Мы можем продолжать надеяться, однако поговорка русских, которые так часто оказывались свидетелями упущенных возможностей в своей собственной политике, кажется в данном случае более уместной: «Оптимист - это плохо информированный пессимист».